

18+

Лада Любимова

**О Богах
О Людях
и немного –
о Монстрах**

The background of the cover features a complex, abstract pattern of dark, swirling lines and shapes, resembling smoke or a tangled web. A faint, dark silhouette of a figure is visible in the lower-left quadrant, partially obscured by the swirling lines. The overall color palette is dark and moody, with shades of brown, black, and grey against a lighter, hazy background.

Лада Любимова
О Богах. О Людях.
И немного – о Монстрах

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18913796
ISBN 9785447486761*

Аннотация

Ты знаешь – кто ты? Ты знаешь – кто рядом с тобой? Ты уверен? Ты можешь отличить сон от реальности? Где твоя реальность? В чём смысл? Мир не такой, каким кажется. Она понимает это, когда становится свидетелем страшного эксперимента по смещению разума людей и других существ и попадает в плен к его зачинщикам. Она должна убежать и найти героя своих снов – он вернёт её в ту реальность, в которой ей хочется остаться.

Содержание

Пролог	5
Эпизод 1: С... Он	6
Эпизод 2: Иллюзии	11
Эпизод 3: Реальность	18
Эпизод 4: Он	24
Эпизод 5: Ангар	31
Эпизод 6: Внутри	37
Эпизод 7: Монстры	48
Эпизод 8: Путешествие	64
Эпизод 9: Причина	72
Часть первая	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

**О Богах. О Людях.
И немного – о Монстрах
Лада Любимова**

© Лада Любимова, 2020

ISBN 978-5-4474-8676-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

*Для малых, как и для великих, есть дела, что
сотворить они лишь могут единожды: и в этих
делах есть сердце.*

Джон Рональд Руэл Толкиен

«Сильмариллион»

Перевод с английского Н. Эстель

Всё, что здесь написано, ни одно слово или их сочетание, не передают пережитой истины. Этот текст – интерпретация опыта в словах.

Я едва могу уразуметь открывшуюся тайну, и как сложить её в слог? И как читателю увидеть тайну через словесный туман?

Но сердце просит, и я не могу иначе. Я не могу не написать. Я не могу не поделиться.

Каждая строка – попытка постичь реальность, глубина которой нереальная.

Эпизод 1: С... Он

*А если любовь – лишь обман?
Кто влагает в нас жизни дыханье,
если только сумерек тень
нам дает настоящее знанье.
Добра – его, может быть, нет,
и зла – оно рядом и ранит.
Если надежда погаснет
и начнется непониманье,
то какой же факел на свете
осветит земные блужданья?
Если вымысел – синева,
что станет с невинностью, с чудом?
Что с сердцем, что с сердцем станет,
если стрел у любви не будет?*

Федерико Гарсия Лорка «Осенняя песня»
Перевод с испанского О. Савича

Я стояла на обочине широкой автострады в потёртой, не очень-то чистой куртке, вязаной шапке и тёплых брюках. Воздух был прогрет солнцем. Пыль, поднятая ветром, клубилась по обочине, а мне было чуть-чуть жарко. Мимо меня по размеченному асфальту проносились автомобили. Где-то вдалеке маячили люди – я их наблюдала. Зачем я там находилась, я не знала. Не то ребёнок, не то женщина, не то некое

существо без пола и возраста. Я не понимала, кто я и что там делаю. У меня было имя, которого я не знала. Я стояла, смотрела на дорогу. И всё.

Была весна.

Снег уже растаял. Ветер и солнце. Ослепительное весеннее солнце и пронизывающий весенний ветер. Деревья ещё без листьев – они смущались своей наготы, но не скрывали её, от того пространство наполнялось прозрачностью. От солнца серый асфальт оживал. И даже пыль на обочине оживала – пылинки кружились и болтали. Радовались, что ли, новой жизни.

Они подъехали на машине. Остановились и забрали меня. Он открыл дверь, улыбнулся и усадил меня рядом. Разве можно описать это ощущение, когда он здесь? Может, это радость, покой, нега, исполнение всех желаний.

Я сидела без движения. А он смотрел на меня так нежно, как будто соскучился. Между нами что-то происходило. Что? Что-то безвременное и наполненное до краёв. Ничего не имело значения, не имело смысла, ничего иного не существовало. И мне ничего более было не нужно. У меня было всё – здесь, сейчас и навсегда!

Я узнавала его силу, тепло, солнечный запах, ощущала тишину его мыслей. А он разговаривал с водителем и улыбался иногда.

Между ними тоже что-то происходило. Я чувствовала. Подумала, что они – мужчина и женщина, и они вместе.

Но тогда почему онтак обнимает меня?

Водитель – очень красивая женщина лет тридцати. Она фонтанировала здоровьем. Молочно-белая кожа с румянцем на щеках. Растрёпанные золотистые волосы. Светлые голубые глаза – такие открытые! Она задорно шутила, и от этих шуток он ещё больше улыбался, а она заливалась каким-то колокольчиковым смехом. О чём были шутки, я не понимала, но мне и не важно. Очаровательный её смех селил во мне радость. Она ела на ходу какие-то вкусности, закидывая их с юношеским азартом в смеющийся рот в перламутровой помаде, выглядывала в окно, ругалась на нерасторопных водителей, требуя уступить дорогу, поправляла макияж, смотря в зеркало заднего вида, переключала дерзко коробку передач, и всё рассказывала низким баском смешные истории.

Я догадалась – она его друг. Я наслаждалась ею. За бесшабашный способ езды он сделал замечание: не сосредоточиться ли ей на дороге. На что она ответила, что она ас в вождении автомобилей, и ездить может даже задом наперед с закрытыми глазами.

Нам весело!

Его руки... Большие ладони, длинные запястья с жилками. Длинные пальцы, сильные. Он обнимал меня и сжимал в своих ладонях мои. Я чувствовала себя маленькой и беззащитной, точно ребёнок. А доверие к нему – беспредельное! Но в его объятиях я улавливала сдержанную мужскую страсть. И вдруг поняла, что я – женщина. Любимая женщи-

на, которой дорожат и которую желают.

Руки... Его руки... Такие красивые, но такие натруженные. Кожа – сухая и горячая. Я гладила его руки и пыталась понять, почему у него – воплощения силы, мужества, молодости и красоты, такие руки, что с ними случилось? Чем он занимается, что у него обветренные в мозолях руки? И не могла спросить – я не умела разговаривать...

Мы попали в пробку.

Стемнело, просто опустился сумрак. Будто сумрак – составляющая мира. Но в нём всё ясно видно. Дорога наводнилась автомобилями, людьми и... существами: ужасными, нереальными – их лики нескончаемо многообразны. Существа нападали на людей, друг на друга. Люди пытались спастись, убегали, падали, вставали и опять бежали. Всё кишело. Я слышала нестерпимый гул людских воплей, рычания и клокотания странных существ. Гул становился громче и громче.

В его глазах невероятная грусть.

– Пора, – его спутница больше не улыбалась, – нам пора, – повторила она тихо, обращаясь к нему. Приоткрыв дверь автомобиля, она посмотрела на меня. Долго. В глазах та же грусть. Вышла.

А он не отводил взгляда, полного нежности и глубокой печали.

У меня началась паника:

– Куда же ты? Не оставляй меня здесь! – кричала я без-

звучно. – Мне так страшно!

И боялась я не ужасных монстров, а того, что он сейчас уйдёт и больше никогда не вернётся.

Но он не ответил. Осторожно отстранился и вышел из машины. Обернулся, касаясь меня печальным взглядом, и медленно ушёл со своей спутницей сквозь кишачий кошмар, пока не превратился в белую дымку, которая без следа рассеялась.

Я проснулась, дрожа от чувства холодного одиночества. Сидела весь день на диване, глубоко потрясённая, не в силах сползти с него и решить – сон ли это был.

Эпизод 2: Иллюзии

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?
Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.*

Александр Сергеевич Пушкин

«Дар напрасный, дар случайный...»

В жизни всё временно. Так что, если всё идёт хорошо, наслаждайся – вечно это не продлится. А если идёт плохо – не волнуйся, это тоже не продлится вечно. Не помню, кто мне это сказал, или я это где-то прочла, но такая штука работает. Всё меняется.

То сидя, то лёжа на диване, я умирала волнение, вызванное странным сном. Основательно погрузив от тоски, сумбурности жизни и её бессмысленности, поддавалась зову тела, которое взбунтовалось и требовало кушать. Кушать требо-

вал и здоровенный котик, он устал мять бока о мою подушку и верещал протяжно «мя-я-я», трогая меня лапой.

Пришлось встать. На дворе смеркалось. В открытую форточку задувал прохладный весенний дух.

Под воздействием кота, голода и весеннего духа настроение моё из уныло-страдальческого сменилось на игривое с оттенком философского, разбавленного приторным цинизмом. Всё меняется.

Жуя бутерброд и запивая его крепким горячим чаем, я принялась жарить уже тысячу раз жареного барана. Иначе – в очередной раз искать смысл происходящего.

А смысл никак не находился. Не было его и всё тут.

Во-первых, объективная реальность – сущий бред. Пойди – разберись, что реально: бутерброд, который я вкушаю или сон. Причём ощущения от бутерброда менее яркие. И где же реальность?

Вот ещё пример. Возникла проблема, да такая, что её нужно решить как можно скорее, чуть ли не сию секунду, а за спиной стоит кто-нибудь и торопит. Решаешь, решаешь, а она никак не решается, только усложняется. Бросишь в отчаянии, и... о чудо! Или проблема потеряет остроту, или добрый человек её за тебя решит, а то и тот, кто за спиной торопит. А если будешь более бдительной, то окажется, что проблема надумана твоим беспокойным умом. Только будь внимательней и увидишь. Выходит, вся жизнь – иллюзия.

Во-вторых, раз всё иллюзия, тогда нет никакой разницы

между жизнью и смертью.

В-третьих, в чём же всё-таки смысл?

Предполагаю, что я живу и придаю смысл моей жизни сама (сегодня смысл никак не придётся):изучаю, осознаю, конфигурирую. Однако, оное моё осознание никоим образом не связано с сутью и смыслом жизни моей. Все конфигурации существуют у меня в уме, мной же и придуманы. А любая конфигурация вне ума не имеет смысла. Я вижу, что вещи в моей жизни зависят от того, верю я в них или нет, вплоть до их существования (в съеденный бутерброд мне не верилось – я им не наелась). А то, что я не могу узреть и осознать, то есть, нечто непроявленное – неизвестно, бесконечно и непостижимо. Познание бесконечного требует бесконечного количества времени, что опять непостижимо. Значит, мир идеален, непознаваем и не имеет смысла бытия помимо самого бытия, которое и обладает истинным смыслом, который познать невозможно.

Ещё вопросы остались?

Но мне всё равно как-то не по себе: будто я потеряла что-то важное. И в голове крутятся картинки из сна, из очередной иллюзии внутри иллюзии. Мало того, до тоскливой боли в сердце привязалось нудное чувство одиночества (а быть в уединении для меня было счастьем, но быть одной и это противное чувство одиночества вовсе не одно и то же), словно меня заперли в тюрьму серую и даже скважину замочную залепили – подсмотреть за миром, пусть и иллюзорным,

нельзя. Никаких тебе развлечений. Такое моё положение я никак не могла принять, как ни старалась.

Я налила себе ещё чаю, покрепче и погорячей: согреться от навалившегося одиночества, и продолжила размышления.

Обычно я вижу то, что ожидаю увидеть, к чему привыкла и чему обучена. Настоящий момент всегда припорошен пылью прошлого опыта, тесной личиной, натянутой с мылом на хрупкое существо, в общем, всякими идеями и ограничениями, иначе, всё теми же иллюзиями. Уловить настоящий момент и прожить его не просто. Но так случается иногда. И это не легко, не трудно, это естественно. Это подобно дыханию, подобно биению сердца. Но как сбивается дыхание от неверно заданного ритма, так выпадаешь из настоящего, и погружаешься в пучину тревог и тщетных раздумий. Как сегодня.

Я оделась и вышла в безлунную ночь. Растаявшие за солнечный день лужи крепко замёрзли. Выгоняя из головы мысли, а из сердца тоску, я гуляла туда и обратно по замёрзшим лужам, пытаюсь поломать лёд. Такая физкультура действительно мне помогла. Тщательно обработав все лужи вокруг своего и двух соседних домов, я, в конце концов, устала и присела на лавочку, довольная тишиной в голове.

Посидела, поболтала ногами, посмотрела то на фиолетовое звёздное небо, то на голые ветки растущей во дворе берёзы и поняла, откуда ветер дует, чего мне не хватает. Мне,

маленькому человеку из миллиардов людей, затерявшихся среди бесчисленных звёзд, мне, ничтожной толике вселенной, микроскопическому окошку жизни, протирая которое, словно запотевшее зеркало, мир познаёт сам себя, не хватает любви!

Вся человеческая жизнь зиждется лишь на одном – на зыбком, едва уловимом обещании, обещании любви. Лишь слабого намека на возможность любить и быть любимым достаточно, чтобы жизнь продолжалась. Потому что только любовь объединяет человека с миром, со всем, что есть. Лишь любовь возвращает из хаоса иллюзий в безмятежное блаженство, когда никакие превратности судьбы не в силах причинить боль. Лишь любовь придаёт человеческой жизни смысл, чем сама и является и, изведав её, ложные смыслы теряешь бесследно.

Потому ищешь любви путями, число которых неисчислимо. Ищешь, ходишь широкими и узкими тропками, блуждаешь в темноте, но не находишь. Не находишь. Не хватает смелости и открытости. Чувствуешь себя уязвимой, боишься быть отвергнутой, себя не принимаешь. Но лишь с принятием себя возникает доверие – нет разобщенности внутри, нет разобщенности снаружи, и всё возможно. И там, где обитал страх, расцветает любовь. Но никто не может преодолеть за тебя твой страх, подруга, ты должна преодолеть его сама. А если не решишься, то останется только воображение, и что придумаешь, с тем и жить, продолжая искать нелепые смыс-

лы, продолжая искать оправдание жизни.

И вот тогда жизнь будет питать уже не любовь, а иллюзии. И закутавшись в свои вымыслы, как в шубу из рыбьего меха, будешь сидеть в ожидании чуда, не принимая реальности в границах своего воображения, выскочить за которые не хватает смелости. И тогда уже не живёшь, а исполняешь нелепый сценарий. На ошибках не учишься, повторяешь их снова и снова, каждый раз с более высоким качеством, ходишь по кругу, который не превозмочь. Ходишь по кругу и теряешь человеческое. На каком круге я потерялась?

Я рыдала сидя на лавочке перед подъездом. А если я что-то делала, то делала это неистово, целиком отдаваясь делу, и будучи экстремалкой (или экстремисткой), мир я познавала через экстремумы. Потому рыдала я неистово не меньше трёх раз: сидя на лавочке, сидя перед ней и стоя на ней, задирая сопливый нос к звёздному небу, заодно обвинив его, сильное и всемогущее (тем самым сняв с себя ответственность) в безучастии к моим мучениям, и, потребовав хоть какой-нибудь компенсации (а какой, не успела придумать), я утомилась. Да так, что еле дотащилась до двери квартиры.

Больше меня не посещали вопросы о смысле жизни. Я категорически рекомендую эту технологию: после неистовых рыданий и передачи ответственности звёздному небу жизнь сразу становится уютной и тёплой. Попробуйте – вам понравится!

Умывшись кое-как и затолкав под бок мурчащего кота, я

завернулась в одеяло и уснула сладким сном без сновидений. Напоследок я позволила вспыхнуть мысли об искомом смысле: то самое звёздное небо, к которому я только что взывала, берёзовые веточки, лужи на асфальте – сама природа не знает, что она есть. Она ума-то не имеет и не думает про смысл. Существует себе и не страдает всякой ерундой.

Выходит, если я знаю, что я есть, потому и страдания мои есть? Как прекратить их – вот в чём задача. Сделать так, чтобы не знать, что я есть? Ну, это совсем не лезет ни в какие ворота!

Попробую по-другому: буду постигать смысл через наслаждение. Вот это мне нравится! Наслаждение, оно, конечно, не любовь, но, по-моему, ходит у любви в фаворитах.

Начну наслаждаться завтра сутра – поеду покупать новые туфли!

Эпизод 3: Реальность

*Простор широк, и нет ничего невозможного!
Некто Бодхидхарма*

По большому счёту, что бы ни случилось, следует опираться на радостное состояние. Тогда всё получается само собой, и горе не беда. Как только приходит уныние – всё, конец наслаждениям, да здравствуют страдания. А вот они-то иллюзией не кажутся, как ни крути. Но я не отчаиваюсь. И так-то меня всё устраивает, я не жалуясь.

Расскажу для ясности и полноты картины немного о себе. Жила я так, что сама себе удивлялась. Как что-нибудь наделаю... Потом делаю вид, что не при делах. Я жила сама по себе. Быть самой собой не стеснялась. На меня с трудом налезали принятые в обществе маски: одевала их ненадолго, как правило, для честного отъёма денег у других.

Людей на земле много, совести на всех не хватает, мне её не хватило. А потом я потеряла даже стыд. Во мне не осталось ничего лишнего.

Я часто хотела всех приобнять, некоторых при этом придушить. Я очень добрая.

Я считала, что в жизни слишком много возможностей, чтобы ограничиваться одной мечтой, потому мечтами меня завалило. Мечты сбывались, и я едва выносила восторг от их

исполнения.

Думаю, что если не доверяешь миру, то мир не доверяет тебе. Зато, если доверяешь! Я доверяла, потому делала, что хотела, и мне за то ничего не было. Я нарушала законы логики (и не только), и даже больше: причинно-следственный механизм в моей жизни часто не работал.

И далее, о роде занятий и интересах. Меня интересовало всё. От рулевых тяг в автомобилях до элеронов на самолётах, от вышивания крестиком до совершенствования рецепта пирожков с картошкой, от фотосинтеза до устройства чёрных дыр, и больше – устройства вселенной (или её неустройства) и меня самой. Не меньше меня увлекали краски, звуки и запахи, древние танцы, старые сказки, джаз и рок-н-ролл, ромашки и лилии, лошади и тигры, облака, моря, горы и вулканы. Иначе – жизнь была моим главным занятием. И у меня было всё, кроме одного – покоя.

Я жила в предвкушении, что что-то должно случиться, словно в диких просторах, в ожидании неизбежного риска. Мне казалось, что умереть менее рискованно – в смерти риска нет. Умри, и тогда у тебя не будет проблем. А вот жить в отсутствие покоя мне было страшно... Страшно интересно!

Само собой меня мучили типичные человеческие страсти. Я никак не могла определиться со своей сущностью (или сучностью, что в сущности одно и то же), я сама и мир вокруг меня непрерывно менялся, а я цеплялась за приятно-

сти и не принимала неприятностей, и в связи с этим испытывала форменную неудовлетворённость.

Я никого не слушала и никому не верила. Нет, не «не доверяла», напротив. Но не верила. Принимать что-либо на веру – скучно. Мне было необходимо всё испробовать на собственном опыте. Остальное – пустое. Всё, что говорят тебе, для тебя, о тебе другие – не имеет значения. Слова вешают их догмы, страхи и точки зрения на тебя. Так вырастают горы преград, которые не дают быть счастливой, и хуже – словами можно изломать чистую невинную душу. Просто слово. И чем убедительней сказано, тем лучше работает. Никогда никого не слушать! И я не слушала. А кому такое понравится? Правильно – никому. Бунтарка – думали все. Подозрительная какая-то – сторонились многие. Ненормальная – опасались окружающие. В общем, выпадающая из образа приличного современного человека, особа.

Но я вовсе не бунтарка, никаких протестов. Просто я смотрела на мир иначе, чем другие. И ценила мою правду, а правда – это то, что работает на тебя. А моя правда на меня работала в две смены: в дневную и в ночную, без перерыва на обед. Не путайте, я тут о правде говорю, а не об эфемерной истине, которая непознаваема.

Я каждый день чувствовала полноту моей жизни. Но это не значит, что я только и прибывала в хорошем настроении, что у меня ладились дела, и что жизнь моя была безоблачной и прекрасной.

Жизнь подкидывала разнообразие: от торжества побед до глубоких провалов. Меня посещали бурные эмоции: от гнева праведного и слёз обиды, до щенячьего восторга. Я сколько веселилась, столько и грустила. Но мне стал подвластен страх. Этот тип подозрительной наружности меня больше не пугал. У него, конечно, случались приступы эйфории, и он заходил с тыла, но атака не проходила – я с ним не боролась. Научилась я этому в детском мультфильме «Котёнок по имени Гав». Так вот, маленький Гав был мудрейшим из мудрецов и! Ходил бояться грозы во время грозы на чердак. Гав так боялся грозы, что сильнее бояться было некуда. По просьбе друга-щенка, Гав спускался с чердака бояться грозы в комнату. Но в комнате бояться было не интересно, и котёнок вновь шёл бояться грозы на чердак. Воспользовавшись мультяшной рекомендацией, я стала бояться, ух как бояться, моих страхов, что мне стало интересно бояться. Только страхи от того пропали.

Каждый день для меня был загадкой. Я просыпалась с предвкушением: что выдаст мне сегодняшний день? И в трепете засыпала: что подарит новая ночь? Я творила (или вытворяла) мой разнообразный мир, который был самым безопасным и приятным местом во вселенной.

Я жила и томилась желанием гулять по ночам в лесу при свете луны, словно я дикий зверь. Я хотела упиваться воздухом, чтобы кружилась голова, и слушать тишину – единственную мою компаньонку. На это меня толкала сила неве-

домая, безжалостная и счастливая.

Меня неудержимо тянуло в лес. Какое-то колдовство меня туда заманивало. Особенно я любила раннюю тёплую осень, когда в лесу затихало чувственное общение с маленькими пищащими вампирчиками, а воздух наполнялся прозрачной тишиной. Воздух становился настолько прозрачным, что всё вокруг казалось чётким и призрачным одновременно. От прозрачности воздуха запахи становились тонкими и прохладными. Можно вдыхать их так медленно и так долго! Воздух – он живой...

Деревья в лесу – они такие тёплые, особенно сосны – такие ласковые. Смотрят сверху, покачивая кудрявой головой, как мама на непоседливого малыша, с трогательной заботой. А берёзы – кокетки, хвастаются: смотри, какая я стройная, разрешают к себе прикоснуться – влажные и прохладные. Я могла часами сидеть на земле и ничего не делать, дышать, слушать, смотреть. В лесу время останавливалось.

Я танцевала. Танцевала танец моей жизни. Он весь – движение снаружи и весь – тишина внутри. Я так любила тишину – беззвучную музыку, истинный танец, в котором нет движения. Любовь – вот мой хореограф. Я купалась в нежных её волнах – в реке любви к жизни. Признаться, не всегда удерживалась на плаву, и нередко тонула в иллюзиях, разыскивая в них смысл. Река же иногда выливалась Ниагарой на окружающий меня мир, часть которого сбегала прочь. Это удивляло меня сначала. Я оставалась в недоумении, пока, нако-

нец, не поняла.

Нам нравится смотреть на красоты природы, на водопады, например. И чем грандиознее зрелище падающей с высоты воды, которая разбивается в пыль и играет всеми цветами радуги в каждой капле, тем больше оно нас завораживает. Кому-нибудь приходила мысль встать под поток мощного водопада? Нет, конечно, это же безумие! Тонны и тонны воды раздавят тебя, не оставят мокрого места, смоют с лица земли бесследно, растворят в потоке. Так и с любовью. Этот поток невероятно сильный, полный, красивый. Его мощь выдержит лишь совершенно открытое существо, иначе его просто расплющит. Поэтому и убегали, и приходили вновь – так трудно оторваться. Но держались на расстоянии, потому что страшно, потому что инстинкт самосохранения уберегал от чудесной аннигиляции.

А однажды я заглянула в такое потаённое место моей души, в котором ничего нет: ни печали, ни радости, ни добра, ни зла, ни хорошего, ни плохого, ни отношения, ни суждения – в абсолютную тишину моего сердца. Заглянула на мгновение, но память о том осталась навсегда. Память о тишине, где я есть, и где меня нет, где я есть всё, и где я – ничто, в котором ничего человеческого неузнаваемо. Там нечего прибавить, там нечего отнять, там всему есть место, там – совершенство.

Эпизод 4: Он

*Why do birds suddenly appear
Everytime you are near?
Just like me, they long to be
Close to you.
Why do stars fall down from the sky
Every time you walk by?
Just like me, they long to be
Close to you.*

Lara Fabian «Close to you»

*Почему внезапно появляются птицы,
Каждый раз, когда ты рядом?
Так же как и я, они стремятся быть
Ближе к тебе.
Почему звёзды падают с небес,
Каждый раз, когда ты проходишь мимо?
Так же как и я, они стремятся быть
Ближе к тебе.*

Лара Фабиан «Ближе к тебе»

Он снился мне не в первый раз. Сюжеты снов были многообразными, но суть одна: он любил меня, а я боготворила его. Он как верный страж заботливо меня охранял, давал мне поддержку, открывал во мне новое и дарил свободу. Только

он. В то время как другие персонажи насыщенных красками и приключениями снов делали мою жизнь под покровительством Морфея невыносимо трудной.

Я пыталась разобраться со снами, откуда они приходят: из прошлого или будущего, из пережитков обыденных дней, или из таких сокрытых мест моей души, о которых я и не подозревала. Тщательный разбор по древним сонникам, умозаключения на основании законов логики, размышления в рамках ведущей концепции ньютоно-картезианской парадигмы и попытки связать мои сны и квантово-релятивистскую физику не давали никаких ответов и удовлетворения. Потому я просто наблюдала. Я ложилась спать и мечтала о новой с ним встрече.

Когда я встречала его, мир менялся.

Без него – слушаешь музыку, мелодичную и волнующую, но сыгранную невпопад нотам.

Без него – смотришь на мир через тёмные очки, и мир словно запакован в серую плёнку, цвета под которой блекнут.

Без него – дует свежий ветер, но по пути подхватывает мусор, и к свежести примешивается затхлый запах обыденности.

Без него – люди вокруг точно картонные.

Без него – вдох – погружение в холодное озеро в маске, трубка которой тонкая, и воздух приходится вдыхать с натугой до боли, его едва хватает.

Без него – затянувшаяся серая непогода, без надежды на солнечные дни, которые даже стёрты из памяти.

И всё мутное, глухое, напряжённое. Чужое. Бесмысленное.

И ищешь смысл в тоске лютой. Спишь и не можешь проснуться. Скитаешься в сумерках души своей. Тычешься, как слепой котёнок, по углам. Не узнаёшь себя, пугаешься своей же собственной тени и бегаешь от неё по кругу. Идешь не в ногу сам с собой. Смотришь на чужой мир чужими глазами.

Но вот появляется он!

Музыканты играют в унисон целостным оркестром с великолепным дирижёром, краски ослепляют, ветер – аромат цветущей степи, каждый кусочек хлеба – взрыв вкуса, люди – клад для общения, а воздух сам рвется в лёгкие, дышишь, а надышаться не можешь. Всё яркое, звенящее, лёгкое, родное. Всё имеет смысл.

Ровно как попадаешь из сурового ночного мороза на солнечный берег моря и бросаешься в тёплые изумрудные волны. Всё меняется тотчас.

Эти сладкие впечатления сами собой вливались из сна в реальность. До встречи с ним я не подозревала, что в жизни столько красок и радости. Я открывала себя, а заодно и мир, заново. Потому любые задачи, которые мне преподносила жизнь, я решала легко, и то, что раньше казалось серьёзным и трудным, превратилось в захватывающую игру.

Я чувствовала: он незримо рядом, он словно держит меня за руку. И мне было всё нипочём, лишь бы он не отпускал мою руку. Не исчезал.

Теперь, в моём сне, он покинул меня впервые.

Раньше он ни разу не уходил. Но были времена, когда он не появлялся месяцами. И тогда мне впрямь казалось, что он – всего лишь выдуманный сон в иллюзии моей жизни. Мечтания девчонки о принце, чаяния слабой женщины по сильному мужскому плечу и прочие глупости.

Глупости я гнала прочь, возвращая космические шатлы моих грёз от звёзд обратно в земную юдоль. И чем крепче я держалась у земли, тем сильнее дул ветер в паруса моих космических кораблей, которые на пределе мощности уносили меня в запредельное, имя которому – любовь.

Тоска – вот он тот ветер. Она ни на что не похожа: ни грусть, ни печаль, ни скука. Как выразить?

Бывает, привыкаешь к кому-либо: к близкому человеку, к домашнему животному или же к удобному месту, потом вдруг приходится расстаться или уйти, и она приходит. Но можно отвлечься: делами, каждодневными заботами. Так бывает с каждым, наверное. Проходит время, которого вечно не хватает, кстати (вечно не хватает времени – не парадокс ли времени среди вечности?) и тоска отпускает тебя. Но это всё не то.

То глубочайшая тоска, великая, для измерения глубины которой у меня инструмента нет. Её нечем заглушить,

и нечем отвлечься. И она не проходит, но исходит из сердца. Она вне времени. И в мире, занятым делами, поиском и заботами уже никуда не спешишь. Вокруг все ищут встреч, а ты – одна. И все вокруг мудры и знают тайны, а ты как будто глупая. У всех есть своё место, свой дом, а у тебя – нет, и где ни остановишься – смотришь на другой берег. И нет спасенья, она внутри всего. Что бы ни делала – в каждом движении, что бы ни взяла в руки – в каждой вещи, о чём бы ни помыслила – в каждой мысли.

Я училась любить.

Он, Молодой Бог – так я зову его, проник в моё сердце незаметно, прочно и навсегда. Он просто однажды приснился мне.

Сначала я не позволяла его себе, внушала, что это образ, которому должен соответствовать мужчина – нарисовала идеал и старательно шлифую.

Идеалов было нарисовано множество, качеств придумано предостаточно, они же менялись со временем и с настроением. Всё то – были качества, которые можно увидеть, услышать и попробовать. Но он – не обладал качествами.

И что за нелепица – Молодой Бог? Откуда такое странное сочетание слов? Я пыталась найти объяснения, подцепить к нему качества, пригладить, прихорошить, и вдруг поняла!

Молодой Бог – это состояние безусловности, игры, непринуждённости и свободы, лёгкости и открытости, простоты

и мудрости, умиротворенного покоя и верного действия, радости и неотждествлённости ни с чем и ни с кем. И любящая доброта его истинная суть: он – человек. Безграничная сила и свободная воля – его постоянные спутники: он – бог.

Тут в любой миг заказывай любое качество, какое пожелаешь, и наслаждайся.

И наконец, почему же Молодой? Ответ прост: неискушён, невинен, без тяжкого багажа безысходности.

Как тут устоять? Он песня! Самая прекрасная мелодия!

Но готова ли я звучать в унисон?

Я знаю, что он придёт, когда у меня не будет в нём потребности. Тогда, когда я буду переполнена жизнью, любовью, силой. Только тогда, когда ты полна, можешь увидеть того, кто наполнен. Иначе будешь ходить мимо каждый день и не заметишь.

Только тогда, когда жизнь будет переливаться через край, можно коснуться его руки, иначе прикосновение невозможно. Да и не уловишь блаженства сладких ощущений. Такое прикосновение даже опасно, если не готова. Потеряешься и исчезнешь в многообразии чувств, ослепнешь от яркости красок, утонешь в бурном потоке.

Он знает, и потому терпеливо ждёт. Достаточно его незримого присутствия – он дал знать о себе, и этого довольно. А осторожная и своевременная его поддержка даёт мне столько сил!

И если я открыла секрет его существования, значит я

на верном пути. Но почему именно я стала его избранницей? Не знаю.

Когда я буду готова говорить с ним, я обязательно спрошу. Ну, какой женщине не хочется знать – почему? Почему она единственная, избранная, особенная, исключительная?

Я не знаю, почему он меня выбрал. Я знаю, почему он услышал меня. Потому что я отчаянно взывала: я искала любви, я искала вкус жизни. Взывала в пустоту, а услышал он. Почему выбрал – не знаю. Главное, что услышал. Потом я спрошу...

Я знаю, что чудеса случаются, когда ты рискуешь всем ради мечты, которую кроме тебя не видит никто. Нужно в мечту верить. Нужна безграничная наивность, чтобы мечту воплотить в жизнь.

Я верила свято в моего Бога!

В любую секунду я была готова бросить всё, что у меня было, решительно всё, и пойти искать его, а отыскав, остаться с ним. Я лишь ждала момента отправления.

Эпизод 5: Ангар

*Всё может быть и быть не может,
И лишь того не может быть,
Что, может быть, и быть не может,
Но всё же – это может быть!*

Из недр народного фольклора

Я ехала в такси за город домой. Ехала и смотрела в окно, за которым ранняя весна гоняла пыль по асфальту, заливая солнцем бесстыжие голые деревья.

Я немного устала, так как всё утро совершала задуманное с вечера наслаждение.

Иногда я разглядывала только что купленные и сразу надетые супермодные тёмно-сиреневые ботильоны на изящном высоком каблуке, которые как нельзя лучше сочетались с моим новым коротеньким шерстяным платьем, цвета горного озера, и классическим, таким же не длинным пальто с большим воротником-стойкой. Мне нравились мои покупки, и я в них себе нравилась. Я ехала и радовалась познанию смысла жизни через наслаждение.

Уже на окраине города внимание моё привлёк большой металлический ангар. В нём располагались склады торговых компаний, которые продавали водопроводные трубы, заборы, кирпичи и прочие строительные материалы. Всё, что не входило в ангар, складывали рядом на площадке. Мате-

риалов этих, как и рекламных вывесок компаний, сегодня не было, хотя пару дней назад тут бурлила торговая жизнь.

– Так быстро съехали, – подумала я.

Металлический ангар-склад, ранее серебристого цвета, был перекрашен в череду широких горизонтальных белых и синих полос, да и стены казались не такими тонкими как раньше. Вокруг образовался высокий бетонный забор. В общем, ангар приобрёл вид укрепленного сооружения.

Рядом с ангаром за каким-то неведомым мне делом я вышла, отпустив такси. Никогда, за много лет проезжая туда и обратно, я не желала заглянуть сюда, ни по делу, ни просто так. Я удивилась странному порыву, но меня влекло к этому зданию неудержимое любопытство. Ещё я чувствовала тревогу, которой не находила объяснения.

Ярко, по-весеннему, сияло солнце, щебетали довольные приходом весны птицы. Но над ангаром солнце не сияло! Его словно окутывал сумрак. Не то, чтобы тучи или облака над ним повисли, нет – просто сумрак. Я удивилась и встревожилась сильнее. Но я рвалась попасть внутрь. Меня сжигало непреодолимое желание!

К зданию подъезжали крытые фуры, протискиваясь в то и дело открывающиеся и закрывающиеся ворота. От фур навязчиво пахло. Чем – определить не смогла. Проскочив в ворота вместе с заезжающей фурой, удачно проскользнув мимо вооруженных охранников, которые проверяли документы у водителей фур, заглядывая внутрь, кивая и про-

пуская очередную машину, я опять удивилась. Территория изнутри была в несколько раз больше, чем казалась снаружи. За главным зданием прятались ещё несколько ангаров. Люди, исключительно мужчины, в бело-синих комбинезонах под стать выкрашенному ангару, сновали туда-сюда, спешили, давали друг другу распоряжения, что-то записывали на планшеты в руках, говорили по рациям, выгружали контейнеры с проходящих фур. Царила та ещё безукоризненно деловая обстановочка, какую умело создают в голливудских фильмах про тайные военные операции. Мысль о тайных операциях промелькнула, но показалась нелепой, и я развеселилась: глазела по сторонам не скрываясь.

Меня подозрительно не замечали.

Чем дольше я наблюдала, тем больше росло моё любопытство, заглушив чувство тревоги, которое жгло меня изнутри, когда я вышла из такси.

Наконец, я увидела единственную женщину в деловом мужском обществе. Она стояла у входа в главный ангар. С внутренней стороны здание оказалось каменным, а не металлическим, и внушительным, точно крепость. Вход представлял собой узкую массивную железную дверь. Она была выкрашена в голубую краску, уже облупившуюся на солнце. Эта дверь не вписывалась в архитектуру новых ангаров, возведённых по последнему слову современных строительных технологий.

Молодая женщина была одета в джинсы и рубашку в кле-

точку. Лицо ничем примечательным не отличалось. Такая серенькая мышка с хвостиком из таких же сереньких волос. Но всем своим видом мышка показывала, что она важная особа. В руках она держала микрофон.

– Видимо, журналистка, – подумала я.

Журналистка-мышка покрикивала на нерадивого пухлого оператора с сигаретой в зубах, возившегося с видеокамерой на штативе.

Я подошла к мышке и вежливо спросила:

– Девушка, не подскажите, что здесь происходит?

Мышка ответила быстро, чётко, внятно:

– Не подскажу.

Я хотела исправить вопрос, на «подскажите, пожалуйста, что...». Но не успела я открыть рот, как услышала:

– Вы не имеете права здесь находиться, покиньте зону! – мышка даже не взглянула на меня.

– Почему? – вопрос мой не успел вырваться из моих уст, как я получила ответ (вопрос правильный оказался):

– Здесь зона эксперимента, обычным людям находиться запрещено. Это секретно. Не мешайте работать и немедленно покиньте территорию! – отчеканила мышь.

– А зачем снимать, если секретно?

Тут мышь впервые на меня посмотрела – явно мышь, и глаза мышьиные (мне очень симпатичны нормальные мыши – маленькие миленькие животные, но, то была женщина-мышь, и ничего миленького в ней я не нашла). Вопрос по-

ставил её в тупик.

– Для специального телевидения.

Врёт – глазки забегали. А меня внутри ангара тянет непреодолимая сила! Я направилась к двери. Мышь стояла скалой:

– Вам туда нельзя, уходите!

Я настойчиво двигалась к двери, отстраняя мышь. Раскрыв руки и широко расставив ноги, держа микрофон как копьё, мышь закрыла своим телом амбразуру двери.

– Нет! Уходите! – голос её всё больше звенел в напряжении.

Как можно мягче с улыбкой на губах, пытаюсь поймать её взгляд и посмотреть внутрь мышиных глазок, я пропела:

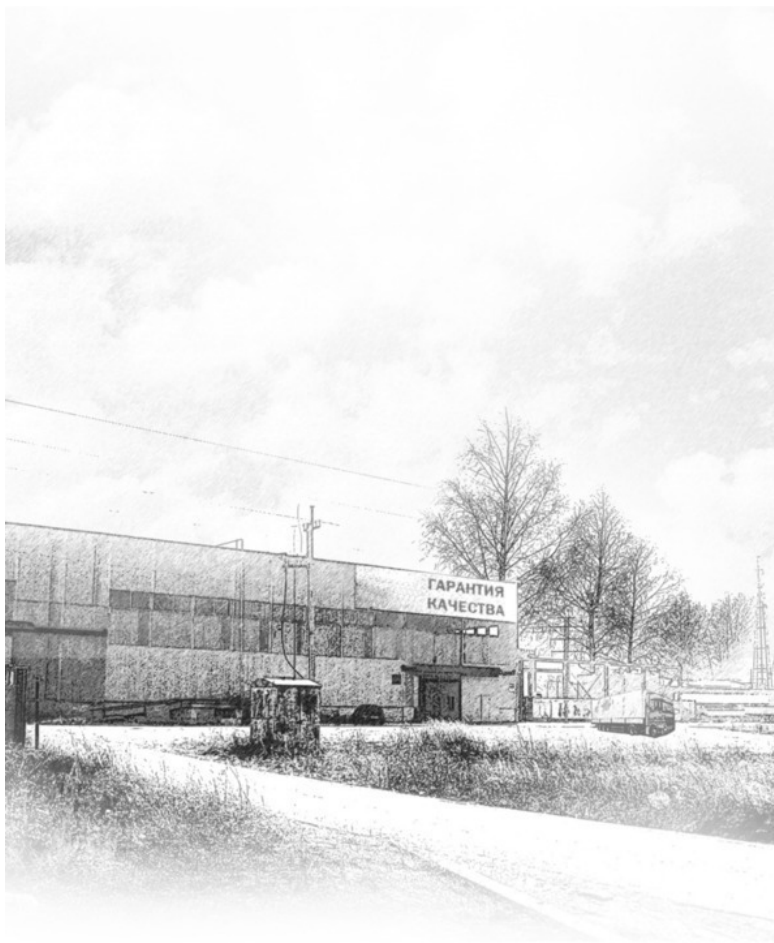
– Мне очень нужно. Очень... – я подкрадывалась к двери.

Не ожидая ласкового тона, мышь растерялась и отскочила в сторону, пискнув:

– Я вас предупреждала! Это запрещено! – и убежала за угол ангара боком и вприпрыжку.

Оператор дожевывал окурок, сопя и ухмыляясь, сгрёб аппарат на штативе и грузно зашлёпал прочь, довольный, что отстрелялся.

Я открыла дверь. Меня предупреждали...

Эпизод 6: Внутри

Люк Скайуокер: «Здесь неприятно...

Я чувствую холод... смерть...»

Йода: «Тут царит тёмная сторона Силы. Это зла обитель. Войти ты должен».

Люк Скайуокер: «Но что там?»

Йода: «Только то, что ты возьмёшь с собой».

Джордж Лукас, Алан Дин Фостер

«Звёздные войны. Эпизод V: Империя наносит ответный удар»

Внутри было темно, холодно и сыро. Сразу за дверью ширилась железная площадка, она обрывалась вниз крутой лестницей. От сырости лестница покрылась ржавчиной. Ступеньки и перила из металлических прутьев были мокрыми и скользкими. Где кончается лестница, в сумраке было не видно, но глубоко внизу что-то светилось. Верх здания был пуст, тёмн и не определён.

Я пустилась с площадки на ступеньку. Меня тянуло вниз, но то было не любопытство, а что-то страшное и тревожное – хотелось завывать от ужаса. Но голоса пропал. Меня влекло вниз против моей воли. А меня ведь предупреждали...

Крепко держась рукой за холодные перила-пруты, как за последнюю надежду остаться в живых, я медленно шла вниз. Каждый шаг давался с трудом, ноги отяжелели, будто к ним привязали груз. Шаги отражались металлическим

эхом. Глухая тишина. Я слышала моё частое дыхание и стук сердца. Вернуться наверх мне что-то мешало – воли у меня не было. Я спускалась, и свет становился ярче: внизу светились лампы мутным оранжевым светом.

Появились звуки: ни то сопение, ни то рычание, ни то бульканье, в общем, что-то внизу шевелилось. Цепенея от ужаса, я спустилась с последней ступеньки.

Обширный круглый зал с бетонным полом расходился на несколько коридоров с тусклыми лампами на стенах. Я двинулась наугад в один из коридоров. Во мне маленьким огоньком затрепетало любопытство.

Вскоре я увидела клетки. С животными. Вот откуда невнятные запахи, которые я чувствовала наверху от фур. Пахло, точнее уже воняло невыносимо, звериным духом. Нечистым таким душком, как в старых зоопарках, когда за беднягами по несколько дней в клетках не чистят.

(Свободный же зверь пахнет приятно!)

Животных было много. В клетках находились представители всех видов на земле, во всяком случае, мне так показалось. Они еле-еле шевелились, лишённые воли и перепачканные в своих же экскрементах. Они были замучены, они страдали. Источали не только зловоние, но и страх. Страх струился по прутьям клеток.

Их волю и силу заперли в клетках, их свободу заменили на зловоние. Но они всё ещё были живы.

Я шла вдоль клеток: лошади, слоны, волки, львы, змеи,

птицы, жирафы, обезьяны, зайцы, олени. Они провожали меня долгими взглядами. Я чувствовала их: тепло тел, страх, боль, отчаяние. Проходя мимо каждого, я проживала секунды их жизни.

Медведь сидел на задних лапах, уперев их в прутья клетки. Передними же держался за прутья. Я подошла к нему. Он тяжело дышал, каждый выдох нёс в себе невероятную вонь его измождённого чрева. Шерсть медведя была пропитана нечистотами, невозможно было разобрать, какого он вида и цвета. Зверь был огромный. Издав тихий рык, больше похожий на стон, он поднял морду и посмотрел на меня. В его чёрных глазах застыло страдание. Сила. Запертая сила. Он застыл, и я застыла. Я дышала с ним унисон глубоко и тяжело, а по моим щекам катились слёзы, обжигая мне кожу. Я чувствовала, как моё сердце рвётся на части и срастается, и так тысячу и один раз. Я хотела кричать, я хотела броситься к нему: обнять его большую голову, чистить, гладить, защищать это огромное животное. Но слёзы душили меня, а ноги мои приросли к полу.

На меня вдруг нахлынуло отчаяние и гнев: знаешь, что могла что-то сделать, а не сделала, и ещё сильна, но время упущено. Но то были не мои чувства. И не медведя. Я оглянулась. В противоположной клетке метался серый волк. Полный животной энергии он в исступлении бегал по клетке туда и обратно, тычась мордой в углы. Иногда он останавливался и протяжно завывал, глядя вверх. Широкие крепкие

лапы с чёрными когтями с каждым шагом мягко и твёрдо опускались на бетонный пол, а налитые силой тугие мышцы играли под густой шерстью.

Я приблизилась к клетке. Волк остановился, принохиваясь и всматриваясь в полумрак. Он не был так измучен, как медведь. Но отчаяние, жгучее отчаяние выражал он. Волк, чья воля на свободе через один только взгляд управляет стаей, превратилась в отчаяние. Глухо рыча, припав на передние лапы, волк начал грызть толстый стальной прут. Не опасаясь, что такой сильный зверь может навредить мне, я взялась за прут и стала дёргать его. Волк усилил натиск на холодную сталь, с остервенением лязгая зубами. Но это ни к чему не привело, кроме усталости. Мы бросили ломать клетку и сели на пол по обе стороны преграды. Немного погодя волк лёг, опустив мощную голову на лапы, длинно вздохнув.

– Милый мой... – я протянула руку к серой морде и провела ладонью по широкому лбу – такая мягкая шерсть. Волк закрыл глаза, казалось, он заснул.

– Эй, – я шёпотом позвала зверя. – Эй, дружок! – чуть громче.

Уши волка чуть напряглись – нет, он не спал, но не открыл глаз. Он больше не откроет. Я знала. Он сдался. Он так и умрёт здесь от тоски. Или за ним придут. Ведь какой-то забавы ради зверё мучают здесь.

В соседней клетке тихо и жалобно скулили. Из-за полумрака я не могла никого разглядеть. Погладив последний раз

мокрый и горячий нос волка, не вставая на ноги, я доползла до соседней клетки. Долго всматриваясь, я, наконец, различила в глубине грязно-рыжее пятно. Лиса. Я знала – это молодая самка. Когда-то густой рыжий мех свалился и свисал клочьями. Пышный хвост поник и походил на крысиный. Хитрый задорный взгляд потускнел и стал бессмысленным. Из глаз вытекала грязно-жёлтая жидкость. Лисица смахивала надоедливые капли лапой, но каждое движение приносило боль, и самка скулила. Словно убегая от боли, лисица протащила больное тело на передних лапах в угол клетки, и уронила непослушную голову. Она была очень больна. Воплощение жизнерадостности и красоты превратилось в болезнь и беспомощность.

За лисицей скрывался маленький зайчонок, совсем крошка. Он, прихрамывая, перебежал вслед за лисицей и спрятался за её ней. Какое странное соседство: лисица и зайчонок, хищник и жертва. Маленький серый комочек встрепенулся, завидев меня. Встав на задние лапки, он дрожал от страха так, что подпрыгивал на грязном полу. От боли лисицы и всепоглощающего страха зайчонка у меня сводило мышцы – я не могла пошевелиться. Но я точно знала, что это то, что испытывают они, а я лишь чувствую их.

Расстояние между прутьями клетки было большим. Лисица и зайчонок могли бы убежать. Они маленькие, они могут пролезть между прутьев. Они могут убежать наверх, я покажу дорогу. Мне нужно лишь позвать. Я протянула руку

и тихо позвала.

– Эй, идите сюда!

От звука моего голоса зайчонок застыл от ужаса его обувшего, а лисица снова начала скулить. Боль и страх обездвигивали животных.

Из-за угла коридора появились люди в бело-синей спецодежде. Но они больше не выказывали наземной деловой активности. От них исходила лень, скука и отвращение к животным в клетках. Они разносили в ёмкостях какую-то еду и ставили внутрь клеток. Животные подходили и ели это, не потому что это было вкусно, или потому что хотели есть. Они уже давно не хотели есть. Так было нужно: люди в спецодежде разносили массу в ёмкостях, животные поедали массу из ёмкостей. Так было нужно.

Меня «сотрудники» не заметили. Они были мне неприятны. И избегая тошноты, подступившей к горлу при их появлении, я постаралась скрыться. Отползая на коленях и ладонях, как зверь, я упёрлась в бетонную стену – в тупик ответвления коридора. Я повернула голову и встретилась с зелёными глазами.

Только глаза – светящаяся золотисто-зелёная радужка обрамляла чёрный круг зрачка. И всё. Ничего более. Я никого не видела. Я чувствовала... спокойное ожидание. Я услышала продолжительный вдох, потом увидела язычок красного пламени. Длинный выдох. Я прижалась щекой к пруту клетки и язычок пламени, тёплый и шершавый, лизнул мне щё-

ку. Постепенно глаза мои привыкли к темноте в тупике, и я увидела обладателя дыхания, зелёных глаз и сосредоточенного ожидания: чёрная пантера сидела, прислонившись боком к клетке. Она вкусно пахла диким зверем: теплом, землёй и солнцем, она ещё не успела впитать в себя гниль этого ужасного места. Я уткнулась носом в шею животного, чувствуя под чистой шерстью ровное биение пульса. Зверь мудрый, осторожный, сильный, умеющий ждать и нападать незаметно – он ещё сохранил остатки своей сути в тишине терпеливого ожидания. Я отстранилась с неохотой, посмотрела в глаза зверю, а в них – спокойствие. Оно наполнило меня изнутри.

– Спасибо, – тихо прошептала я, – но чего ты ждёшь?

Чёрная пантера лишь мигнула, размеренно дыша.

Повинуясь воле, которая заманила меня сюда, я двинулась дальше: вернулась в центральный зал и повернула в другой коридор, старательно избегая встреч с «обслуживающим персоналом».

Пройдя вглубь, я подошла к огромному резервуару, окружённому железным помостом. На помосте стоял служащий в спецкостюме и бросал куски массы из ёмкости в резервуар со зловонной чёрно-зелёной жижей. В углу резервуара стояли кучей бегемоты, они жались друг к другу, выражая растерянность и испуг. Куски массы из ведра предназначались для иного обитателя: из жижи медленно выплыла голова огромного крокодила. Огромный – слово неумест-

ное. Гротеск зрелища поражала воображение. Когда крокодил показался на поверхности, хлопнув хвостом, жижа разлетелась во все стороны.

Бегемоты больше не боялись. Они были безнадёжны. Потому что что-то пошло не так. Набежали служащие, кричали, тащили палки и крюки. Принесли длинный шест, на шесте —здоровая петля. Ею начали ловить крокодилю морду, чтобы зажать пасть, потому что иначе он сожрёт всё: бегемотов, служащих, других зверей. Поймали. Крокодил сорвался. Он бесновался всё больше и больше!

Агрессия, агрессия, агрессия! Ничем не измеримую, необузданную и беспричинную агрессию источал крокодил. Он пожирал всё, что можно переварить, но ему всегда было мало, он требовал ещё и ещё, и, если не давали, он забирал сам. Нет способа остановить эту агрессию, которая уничтожает всё живое на своём пути. Её можно только беспрерывно кормить, а она ненасытна. Агрессия разрывала мой мозг и сердце, взрывала воздух вокруг, а я бежала, бежала прочь по коридору с клетками, в которых дрожали по углам измученные животные.

Я бежала, падала и снова бежала, и снова падала куда-то вниз, пока не захлебнулась своим дыханием от быстрого долгого бега. Сердце рвалось наружу, голова кружилась, сознание путалось. Я упала в изнеможении.

Очнувшись, я не увидела клеток. Вдоль стен располагались стеллажи, на которых стояли ящики с растениями.

Тот же сумрачный оранжевый свет и мерзкий запах. Отвратительный запах, не такой, как у зверей – другой. Так пахнет от застоявшейся силосной ямы – кислая гниль.

Растениям было отнюдь не лучше, чем животным. То была жажда. Они страдали. Как они могут жить тут без солнечного света? Но они жили и жаждали.

Я поднялась и медленно пошла по коридору. На полках была собрана коллекция на любой вкус заядлого флориста: от огурца до помело, от ромашки до орхидеи. На полу в ящиках – деревья. Только вот цвета тут блеклые, а листья жухлые. Я шла, а они тянули ко мне свои веточки и усики.

Стебли лианы расстилались по полу. Переступая лиану, я упала – она в меня вцепилась! Лиана обвила мою ногу и сдавила её, она пыталась проникнуть через кожу. Стебель был бледным, холодным и студенистым.

– Пить... пиить... – шипело растение, – пиить...

Как? Как растение может хватать меня и просить?

Конечно же, оно молчало. Я чувствовала его. Его жажду. Я знала: сколько бы воды не впитали корни этих растений – они никогда не насытятся. Вечная жажда.

Я легко освободилась. От неожиданности нападения я испугалась, но хватка оказалась слабой: стебель был почти безжизненным. Я прошла дальше, пока не наткнулась на лестницу. Лестница вела вниз.

Медленно, очень медленно я подошла к лестнице. Поставив ногу на первую ступеньку, скользкую и ржавую, я замер-

ла. Моя воля вернулась ко мне, я могла решать: идти или не идти. Я могла выбрать: познавать или не познавать.

Я выбрала познавать, решила идти. Я позволила чьей-то чужой воле присутствовать во мне: она показывала мне то, что я себе разрешила.

Внутри меня вторгалось что-то, чего я никогда не ведала. Что-то не-человеческое, не-животное. То, что не присуще этому миру, то, что человеку не дано постичь, но оно входило в меня. Не на что не похожее, не переживаемое чувствами, не видимое образами, не выражаемое словами, не проявленное действиями: возможность быть. Оно проходило сквозь меня, жило во мне. Оно искало интерпретацию, выражало себя во мне. Оно рождалось в чистоте своей кристальной, смешивалось со мной, растворялось во мне. Стремилось, удерживало, требовало, привлекало, поглощало. Объединялось, питалось, росло.

Я шагнула на ступеньку ниже. То, что было на первой, превратилось в хаос, безобразный и беспорядочный. Очень просто...

Я делаю шаг на третью ступеньку, которой нет. Там ничего нет. Там ничего не живет и не умирает. Там пустота.

Но меня не пустили: оттуда не возвращаются. Я просила впустить, любопытство перечёркивало все страхи. Да и страхов, человеческих страхов, не осталось после того, что я увидела, услышала и пережила. Но меня не пустили. Меня вышвырнули вверх. Просто выкинули через узкую, крашен-

ную голубой краской, железную дверь наружу и захлопнули её.

Я доползла до стены ангара и прильнула к ней: ободранная, грязная, ошеломлённая. Посидела. Отдышалась. Я вся пропахла тем, чем пахло внизу.

Эпизод 7: Монстры

*...И дети рода людей
широко распространились на западе, севере
и юге, и радость их была подобна радости утра,
когда роса ещё не высохла, и каждый лист ещё
зелен.*

*Но рассвет краток, а день часто нарушает его
обещания...*

Джон Рональд Руэл Толкиен

«Сильмариллион»

Перевод с английского Н. Эстель

Утро. Свежее раннее утро. В воздухе висела прохладная влажность. Я с наслаждением дышала свежестью и собирала ладонью утренний иней с асфальта.

– Приснится же такое! – я не могла постигнуть случившееся и радовалась утру, солнцу и свежему воздуху.

Огляделась. От вчерашней суеты не осталось следа. Все двери ангаров, кроме той, из которой меня выкинули, и входные ворота ограждения были открыты настежь. Утренний ветерок некоторые двери покачивал, в ответ они поскрипывали. Фуры разъехались. Одна лишь высунула капот из дальнего ангара. Людей не было видно.

– Ну, хорошо. Если это сон, подружка, – говорила я себе, – что ты тут делаешь? Каким ветром тебя занесло сюда в такую рань? И от чего ты такая грязная? Ты же не предаёшься

пьянству, чтобы вот так очнуться утром среди ангаров в виде непристойном.

Как разгадать загадку, я сообразить не могла, а скорее не хотела: так ужасна была эта ночь, и лучше вычеркнуть её из памяти, из жизни. Я сидела, прислонившись спиной к стене, вытянув усталые ноги. По земле ветер прошуршал скомканной бело-синей бумажкой, и я почувствовала...

Что?

Что-то не так!

Напряжение?

Есть.

Усиливается!

Откуда?

Я просто сижу на асфальте, утро, солнце...

Подумаешь, странная ночь...

Откуда напряжение?

Почему воздух такой густой и липкий?

Из ангара выходит мужчина. Обычный мужчина, среднего возраста и роста. Идёт ко мне. Медленно. Немного пошатывается. Одну руку придерживает другой. Болит, что ли. Лицо добродушное. Измученное только. Костюмчик на нём знакомый, тот самый спецкостюмчик, бело-синий. Подходит, опирается о стену плечом. Усталый человек. Поднимает усталые глаза, смотрит на меня. Улыбнуться пытается:

– Девушка, шли бы вы отсюда побыстрее. Негоже вам...

Поднимаюсь, ближе подхожу.

– Может, вам помощь нужна, вы так выглядите...

– Как? – перебивает меня и смотрит в глаза. – Не по-человечески? – усмехается.

– Да просто усталым выглядите.

– Усталым? – пауза.

– Беги... беги... быстро, – шипит он, лицо перекошено вдруг.

– Бегиии... кыгыыы, – булькает.

Отступаю в удивлении, а лицо его всё больше принимает гримасу боли и ...и ухмыляется в алчущем удовольствии. Выкидывает больную руку вперед, а там не рука! Большая, чёрная клешня тянется ко мне. Пока глаза мои созерцали, ноги мои бежали. Бежали быстро.

Мгновения превратились в часы, а часы в мгновения. Я бежала к выходу что есть сил. Расстояние до ворот – десятки метров, но то, что я успела увидеть за несколько секунд, достойно затяжного марафона.

Как по единой команде изо всех углов и закоулков вылезали чудовища. Открывались всевозможные двери, люки, отверстия и оттуда выползали, выбегали, выскакивали эти существа. Они наполовину были ещё люди.

Каждый мой шаг был очень быстр и невозможно долог. За один шаг на свет появлялись десятки монстров, на глазах превращаясь из людей в тварей. Я улавливала состояние каждого существа, чувствовала, как они превращаются: человек невероятно испуган, он бежит прочь от этого места,

но у него нет выбора. То, что нет выбора, что он обречен, человек понимает, как понимает и то, что бежать уже нет смысла, но животный страх гонит его вперед. Бежать – последняя надежда спастись. Но в разум человека врывается чужой. Он не на что не похож, он – не-человеческий. Как найти слова в человеческом языке, чтобы описать не-человеческое? Это похоже... похоже на безумие, на хаос, которое врывается внутрь и вытесняет тебя из тебя же. Во время внедрения чужеродного человек ничего понять толком не может. Смешивается всё: животный страх, жажда жизни, отчаяние, двойственность человеческого и чуждого разума. И ещё сильнейшая физическая боль разрываемых тканей! Это нельзя сдерживать, этим нельзя управлять: превращение не остановится до полного завершения.

Я чувствовала каждого, проживая вместе с ними ужасы изменений. А их были десятки, сотни! Что же оставалось от меня? Я пыталась убежать. Я пыталась спастись. Я бежала и успевала удивляться тому, как я могу столько в один миг испытывать. Как моё тело и сознание не разлетелись на мелкие осколки от нескончаемого ужасного разнообразия и боли!

Моё время было долгим и тягучим. Время вокруг обгоняло кванты света.

Апокалипсис властвовал и разрастался. Разрасталось и число монстров. Человеческого оставалось всё меньше и меньше, человеческое исчезало. Монстры сначала носи-

лись в беспорядке, потом друг за другом. Они вопили, рычали, свистели, стонали. И стали пожирать друг друга. Гнались ли они за мной, я не видела. Мне было достаточно и того, что я видела, как они пожирают друг друга – это давало мне силы бежать. Наконец, время меня отпустило. Оно выплюнуло меня за ворота.

Находясь внутри ограждённой территории, я надеялась, что выбежав «за пределы», я окажусь в безопасности. Наивная! Как скрыться от безумия и хаоса, если они вездесущи?

Я всё ещё бежала. Наконец, я поняла, что погони за мной нет. У меня нашлась пара секунд, чтобы придумать в какую сторону бежать дальше. Но ум отказывался понимать происходящее. Поэтому мыслить рационально он не мог, и на запрос выдать решение о дальнейших действиях безмятежно молчал.

Зато интуиция мне подсказала, что мне нужно скрыться за большим бетонным обломком, словно нарочно оставленным здесь для моего спасения. Через несколько вдохов и выдохов я почувствовала себя в зыбкой безопасности.

Интеллект мой по-прежнему помалкивал, прикидываясь бесполезным серым веществом. Тело расплзлось в трещине бетонной глыбы, приняв, точно детская забава «лизун», форму трещины. Уняв дыхание, я пыталась унять бешеный стук сердца. Мне казалось, что за километры слышно, как пульсирует моя кровь. И это могло меня выдать. Я знала, что они чувят, как моя кровь движется по венам. Чуют издали.

Но я не знала, что делать дальше. Я могла лишь наблюдать.

Монстры все до одного агрессивны. Чтобы жить, нужна энергия: пища. Потому они агрессивны. Самый простой способ добыть ресурс на жизнь – агрессия. А жить желают все формы. Тут нечего бояться и нечему удивляться. Еда, есть еда. Сама едой балуюсь: и завтракаю, и обедаю, и раза по три ужинаю. Главное сейчас – не попадаться им. Такая простая игра в кошки-мышки.

Так, уже лучше.

Народец новоявленный неистово размножается. Тоже ничего удивительного. Любая форма стремиться к воспроизведению по той простой причине, что может погибнуть. Размножаются, кто во что горазд: почкованием, делением, паразитным вживлением. Размножение требует опять-таки пищи или питательной среды. Не попадаться! Всё не так уж и плохо. Как в дикой природе. Как в диких городских джунглях. Как в диких социальных играх. Ничего нового.

Есть формы чистые – чистые сущности, выражающие одну потребность. Но могут и смешиваться, усложняться. Работает закон естественного отбора: чем больше наборов и разновидностей, тем выше выживаемость. Ничего нового.

А вот тут начинаются нюансы.

Я чувствую их эмоции и потребности, и так узнаю их, но меня затягивает в их состояния, точно я влезаю в их шкуру. А это никуда не годиться! Одно дело наблюдать, другое – проживать. Мой мозг взорвётся! Моё тело испепелится

от боли! Нужно быстро научиться не проживать минуты их жизни.

Кроме того, эти создания такие чувствительные – настоящие охотники, вычисляют согласно своей сути: по запаху, слуху, зрению, реагируют на тепло, движение, страх. Очень остро, очень тонко. Следует быть крайне осторожной и осмотрительной.

Еда – потребность необходимая для выживания, потом – размножение. Но я догадываюсь, что это не всё. Через сумбур их потребностей – есть и размножаться – я ощущаю естественное желание быть, выражать себя, реализовываться. Так, как цветок существует как цветок, камень, как камень, человек, как человек. А вот они...

Вон там вдалеке, слева – зависть, чуть дальше – алчность. А вот из-за угла выглядывает хитрость, а вот скривило рот презрение, а на земле валяется тупость с отгрызенной головой. Главное, чтобы из подземелья не вылез древний крокодил-агрессия, а то нам тут всем враз не поздоровится.

Но! Закончится ли это безумие когда-нибудь? Кто-нибудь его остановит? Размножение такое быстрое! На этот вопрос у меня не было ответа.

Кому такое понадобилось? Такое не могло произойти само собой. Тут шла конкретная подготовка – я видела. Кому скучно жилось? Они теперь веселятся, видимо. Найти бы этих весёлых ребят, устроивших такую заварушку (ничего-ничего, желания сбываются, помни об этом).

Но сначала нужно выжить в этой катастрофе.

Люди, застигнутые катастрофой, уже не боятся. Я теперь знаю. Пугает только неизвестность. Но когда человек столкнулся с ней лицом к лицу, она перестаёт быть неизвестностью. И я готова была на всё, на любую борьбу с кишасим вокруг кошмаром во спасение моей жизни. Хотя, с другой стороны, страшно мне было не на шутку.

Я огляделась. Невдалеке на дороге, о чудо, тархтел внедорожник. Водительская дверь открыта. Чуть поодаль от автомобиля кто-то кем-то завтракал – водитель или водителем. До дороги – открытый пустырь, пока чист от монстров. Я сосредоточилась на ближайшей опасности, завтракающей за внедорожником. Голод. Отлично. Оно голодное, а пищи в достатке – не до меня пока не съест. Это шанс. Остальные существа заняты друг другом ближе к ангарам. Мешкать некогда. Теперь я сама суть пуля – лечу.

О, свежая кровь! Я чувствую, как они чувствуют мой сладкий запах (вот как пахнет моя кровь!) и поворачиваются в мою сторону. Но я уже захопываю дверь внедорожника, переключаю коробку передач и даю на газ, обрывая трапезу голодного.

Да! Получилось! Чудом оказался и полный топливный бак.

Но куда ехать? Пока еду – живу: попасть внутрь движущегося автомобиля не так легко. Остановка и встреча с ними грозит, по меньшей мере, неприятными ощущениями, или

хуже – могу стать обедом или инкубатором. Если это быстро распространяется, а источник – покинутые ангары, то ехать нужно подальше. Если источник – один.

Не знаю почему, но я ехала прочь из города. Логично было бы заехать домой, забрать кота и припасы, заехать к друзьям – забрать их, хотя бы предупредить. Но я упорно давила на газ, выруливая на междугородную трассу.

Когда позади остался город и посёлки, а дорогу обступили высокие кедры, я поняла, что выбрала курс на север. Справа вдоль трассы меня сопровождала река. Повинуясь странному порыву, я съехала на лесную дорогу и спустилась к реке. Я не думала об опасности – утреннее весеннее солнце озаряло ровную гладь реки, а в лесу щебетали птицы.

Я стояла на берегу реки и слушала её нехитрую песню. Недавно сбросив ледяные покровы, мутная от весеннего половодья, она неспешно двигалась. Я знакома с ней давно. Я приходила на берег и впитывала её запахи: запах воды, водорослей, ила; её звуки: крики чаек, песни ласточек, всплески волн; её цвета: сочную зелень прибрежных кустов на жёлтом песке, перелив синих, зелёных и голубых, то на ровной глади, то на ветряной ряби, оттенков. Вода. Течёт. Ни с чем не борется. Даёт жизнь.

Рядом сыграла рыба, и я очнулась. Интересно, рыбы и комары тоже изменяться? Такой странный механизм придумали ребята из ангара: смешивать животных, растения, что-то ещё и людей. Целое с разделённым. Получая на выходе чи-

стое, смешанное и многообразное. Получая в итоге то, что было – в иной форме.

Калейдоскоп.

Меня пробрала дрожь. Весь уклад мира на глазах рушится. Мне неприемлемы были ограничения (но, не принимая ограничений, не ограничивала ли я себя вновь их неприемлемостью?). И пожалуйста – никаких ограничений, сплошные превращения и разнообразие. Бурно и зрелищно.

Я вернулась во внедорожник.

Дом моих родителей. Весна. Ранняя. Здесь севернее, и вокруг сугробы, которые спешно тают. Я стою перед калиткой и смотрю на дом, где я выросла. Повернула голову. В домах рядом я вижу пожилых людей – соседей, которые давно умерли. Они подсматривают за мной. Такими они были во времена моего детства. Одна старушка даже помахала мне рукой. Я давно не была здесь. Или меня по поводу их отхода в мир иной неверно оповестили или я что-то не так поняла, и все они ещё живы.

Я тряхнула головой. Ладно. Сейчас не время думать об этой странности. Разберусь позже.

Смеркается.

Я захожу в дом и вижу маму. Она собирается уходить. Я хочу сказать ей «привет». Но не успеваю. Она смотрит на меня, будто видела меня всего минуту назад и говорит, чтобы я заперла двери и была осторожна, потому что за мной при-

дёт маньяк-убийца. Это неизбежно. Она говорит обыденно, безразлично.

Я пытаюсь спросить: откуда она знает, что он придёт, почему она так безразлична и куда уходит. Пытаюсь объяснить, что вокруг происходит и что маньяк – это суцая ерунда по сравнению с тем, что...

Но она выходит за дверь, пропуская мимо ушей мои слова.

Я потрясена маминым равнодушием к моей участи больше, чем новостью о маньяке. Я запираю двери, завешиваю окна. Мысль лихорадочно работает: как убежать. Но я не могу найти решение.

Я понимаю, что соседи знают о том, что меня должен убить маньяк. Как я это понимаю? Я просто знаю.

А он идет, смотря под ноги, и это вовсе не «суцая ерунда», а огромный мужичина, ростом два метра с гаком. Он широкоплеч и твёрд, точно скала. У него огромные руки. Бледная холодная кожа. Волосы короткие, выбеленные. Лицо с крупными и жёсткими чертами. Тонкие губы плотно сжаты. Он никогда не дышит ртом и не раскрывает губ – настолько он жесток. Светло-голубые глаза-щёлки почти прозрачны. На лице застывшая маска абсолютной воли, силы и агрессии. В руках у него нож. Большой. Он идёт уверенной тяжелой поступью, и ноги у него в коленях не гнутся. Он проходит мимо окна, размахивая руками при каждом шаге. Он подходит к двери.

Меня одолевает ужас!

Нет, это не какой-то там маньяк из сводок криминальной хроники. Это сущность чистейшая. Мужская агрессивная сущность.

Это уже здесь!

Я правдами и неправдами проскальзываю к выходу в гараж. Он стоит у парадного входа, звонит, стучит и начинает ломать дверь. Соседи, бабули и дедули, на глазах которых я выросла, вышли из своих домов, готовые к невозмутимому лицемерию. Почему эти старые люди, обычно такие беспокойные и дотошные, не вызывают милицию? Они так пассивны!

(Да какая милиция, подружка! Ты совсем спятила?)

Я бегу по улице прочь от дома. Мне жутко обернуться и посмотреть, как там дела с чёртовым белобрысым маньяком. Мне страшно вернуться за машиной, а без неё я уязвима. Меня догоняет девочка-подросток. Она – человек. Мы бежим вместе. Она меня поддерживает присутствием, говорит со мной, о чём-то спрашивает. Но она слабая, в ней нет силы.

Мы забегаем в здание милиции уже поздним вечером.

Мы врываемся в дверь, едва переводя дух. Там сидят с десяток стражей порядка. Люди. Ещё. Вроде бы. Курят, чай пьют. Типичное казённое учреждение. Они лениво смотрят в нашу сторону. Я говорю им, что на меня совершено покушение, что пришёл маньяк в дом, и хочет меня убить, а я сбежала. Говорю, что боюсь, что он может придти за мной

и сюда. Один даёт мне бумагу и ручку, говорит, что нужно написать заявление о покушении. Второй же бумагу и ручку забирает, заявляет, что заявление – пустое. Не нужно писать. Никто за дело не возьмётся, а им не нужны лишние бумаги. Мне рекомендуют вернуться в дом родителей. Меня должны убить, как и положено (!), затем соседи вызовут их. Они придут, составят протокол, и запустят процесс делопроизводства. Затем маньяка опишут свидетели, его начнут искать, но скорее всего, не найдут. Да и искать толком не будут. Никому не нужно. Главное – делопроизводство! В конце концов, дело закроют за недостатком улик.

– Приходите потом, когда вас убьют. А пока противоправных действий против вас не совершалось, мы ничего поделать не можем, – завершает тираду дядя-милиционер.

– А как же моя жизнь? Я же ещё жива, а маньяк – вот он, его можно поймать и предотвратить столько жертв! Ведь не я одна...

– Да кого это волнует!

– А зачем же милиция?

– А затем. Идите, некогда нам с вами возиться. Ночь уже.

Чайку и спать, – милиционер выставляет нас за дверь.

Мы стоим перед закрытой дверью. От безысходности я сжала кулаки, завывла по-волчьи и упала на колени в иступлении. Зачем я пришла к ним? Что за глупая выходка!

Девочка-подросток стоит рядом с растерянным видом и сочувствует мне. Мы пошли обратно. Место страха занял

гнев. Я иду и смотрю под ноги на дорогу, точно тот маньяк. Девочка идёт рядом, утешает меня, уговаривает не ходить, придумывает, как победить маньяка. Но что её придумки против мощи чистейшей сути мужской агрессии. А я просто иду навстречу с ним решительно и бесстрашно.

Светает. Мы подходим к дому. Маньяк исчез. Я точно знаю, что его здесь больше нет. Я оборачиваюсь сообщить эту новость девочке. Но её нет. Девочки не было никогда. Это была я сама – часть моего сознания.

Отец расчищает остатки снежных сугробов во дворе дома. Восход. Солнце. Яркое. Я стою возле гаража и хочу подойти к отцу. Вместо дорожки вдоль дома пролегает трещина. Снаружи – впадина шириной в метр, внутри – широкий бурлящий поток, обрывающийся вниз глубоким каньоном с глинистыми берегами. Там грязная вода волнами обрушивает берега, крушит всё на пути своём: баржи, мосты, дамбы. Грохот, хаос, ветер. Ничем неуправляемая стихия. Что я перед ней?

Чтобы пройти к отцу, которого, кстати, не волнует моё присутствие, нужно перешагнуть через зияющую яму. Но я стою и жалобно канючу, там на другом берегу. Из-за шума потока он меня не слышит. Он и шума потока не слышит. Мне необходимо перешагнуть через поток. Ведь это лишь яма, шириной в метр!

Я проснулась. Куда я шагнула, я не помню. Но шаг был. Или не был... я не помню. В доме стояла мёртвая тишина. Я

сползла с дивана, пробралась на улицу. Утро. Свежее раннее утро. Тишина. Собаки не лают, соседи во дворах не ходят. Неподвижный воздух, безоблачный восход солнца. По земле ветер прошуршал сухим листочком, в воздухе повис электрический разряд, и я почувствовала...

Что?

Что-то не так!

О, как мне это знакомо!

Я знаю их. Я их чую не хуже, чем они меня. Поиграем в игру, кто умнее, хитрее быстрее и везучее. В соседнем доме напротив, в пожухлой прошлогодней траве сада копошилось нечто. Рассматривать некогда. Оно – видит. Видит и ест то, что видит. А ещё медленно бегаёт. Мне нужно стать невидимой и быстрой. Внедорожника, на котором я приехала, я не обнаружила. Я шмыгнула тенью внутрь дома. Кухня. Угол стола. Ключи от гаража и от старенькой, ещё дедовой, машины на месте. Быстро хватаю ключи и через двор – в гараж. Только бы машина была заправлена. Открыла, завела – работает!

Включила все свои сенсоры, известные мне и покуда не выявленные. Никого, кроме того – в траве, того, кто видит. Отлично.

Быстро, очень быстро отперла ворота гаража, прыгнула в машину и нажала на газ, расталкивая капотом ворота. Взгляд на того, кто видит. Оно меня видит, хорошо видит, но ему не повезло: он ползает, как улитка, а я быстро ез-

жу. Всѣ.

Эпизод 8: Путешествие

Помни откуда ты, и неважно, как далеко ты зашёл!

Рекламный слоган марки шотландского виски CHIVAS

Мотор пару раз чихнул и заглох. Отрулив на последних оборотах на обочину дороги, я остановилась. Вышла. За чем-то открыла капот – я знала, что машина больше не тронется с места. Захлопнула, оглянулась вокруг.

Вокруг звенел голубой день.

Дорога...

И тишина. Нереальная. И дорога нереальная. Знакомая – много раз здесь проезжала, знаю каждый поворот, но всё равно чужая и бесконечная. Бесконечный путь в бесконечность. Хочешь – стой здесь, хочешь – иди в любую сторону. Но куда бы ни пошёл – столкнешься с этим, а останешься – это придёт сюда. Круг замкнут. Неужели нет иного пути? Ведь так много дорог. Неужели они сходятся по кругу в одной точке?

Смятение...

Смятение обильно цвело во мне пышными бутонами.

Смятение хуже страха. Страх – мотив к действию. Смятение лишает воли. А как действовать без воли? Смятение лишает даже выбора.

Я села прямо на асфальт и прислонилась к колесу машины. Невероятные события, напряжение на грани. Я просто устала физически: вторые сутки ужаса, и ни капли воды – я только сейчас это поняла. Но воды, действительно, не было ни капли. Апрельское солнце припекало в пору июльскому. Над тёмным асфальтовым полотном дороги висела знойная пелена. Ни единого дуновения ветра. А у меня – безысходность. Безысходность в чувствах, безысходность в движениях, безысходность в цели.

Куда дальше? И кто остался там – на направлениях дороги? Ужель всем так тяжело: мне, людям, этим существам? Сколько страдания.

Я не желала встраивать хаос происходящего в мою жизнь, в мою реальность. Это – не моя реальность!

В правду ли прошло двое суток? Когда всё это началось? Когда я зашла внутрь ангара, или намного раньше, или было во все времена? И когда закончится и закончится ли? Всё смешалось. Время стало насыщенным и вязким. Так хочется остановиться, всё обдумать. Но нет остановок во времени, оно – непрерывность.

Очень хотелось пить.

– Ну, всё, подружка! Давай решать задачи последовательно. Вставай и иди, найди для начала воды. Это задача номер один. Задачу номер два придумаешь, когда попьёшь, – разговариваю сама с собой. На дороге воды не найти, кроме того, на обоих направлениях я уже побывала – везде монстры.

Встала, спустилась с насыпи дороги. Передо мной стеной вырастала тайга.

Нашла, чем напиться, через несколько шагов: в лесу снег ещё не стаял, несмотря на жару. Расчистив серую кучку, набрала в ладошки слежавшийся снег – большие тяжёлые крупинки таяли в руках. Растопив их на ладошках, приложила влагу к лицу – кожа такая сухая, словно я выбралась из пустыни жаркой и безводной. Так приятно чувствовать влажную леденящую прохладу на коже. Набрав в рот льдинок, точно леденцов, пошла дальше.

А ведь и не подумала – куда. Но не всё ли равно теперь?

Просто – дальше, дальше в лес (а дальше заходит тот, кто не знает куда идти).

Идти было до странности легко. Вокруг деревья, прошлогодняя трава. Сумрачно, сыро. Под ворохом истлевших листьев местами скрываются шапки мокрого снега. Взяла шест, ощупываю дорогу впереди, чтобы не провалиться. Чем дальше продвигаюсь, тем меньше становится снега. Он тает на глазах. Иду и увязаю немного в лужах, в болотцах. С каждым шагом весна набирает силу. Уже распускаются листочки, и зеленеет трава на прогалинах. Невероятно!

В лес заглядывает солнце, поют птицы, и вот их трели уже весело разносятся по лесу. Смятение отпустило меня, уступив место умиротворению. Я подхожу к озеру-болоту. Из него торчат остовы деревьев и кочки. А вода блестит чёрной гладью. Оно простираются далеко вперед и вширь. Ка-

жется, его не обойти. Я и не думаю. Мне необходимо перейти болото как неизбежность. Я опускаюсь на колени и пью – вода свежая, холодная.

Выбирая дорогу шестом, наступаю на кочки. Холодная вода и липкая тина хотят отобрать у меня бутильоны, я их снимаю и иду дальше. И я завязла. Сначала по щиколотку, потом по колено. Не могу вытащить ногу. Болото держит меня. Немного страшно. Озеро-болото кажется маленьким, как лужа, и огромным, как море.

Я вглядываюсь вперед, на противоположный берег. А там вдруг появляется мужчина – он выходит из леса. Пожилой, высокий и худощавый: с густой бородой, в плащ-палатке защитного цвета, на голове капюшон. Как будто лесник. В руках длинная прочная жердь, смотрит на меня так по-доброму, улыбается. Идёт ко мне навстречу, и так тщательно дорогу выбирает, что едва сапоги замочил. Подходит:

– Ишь, деточка, как тебя сюды угораздило-то, давай... давай-ка за мной шагай, ступай прямо след-вслед. Не спешай. Тут топь-то ого-го какая глубокая, аккурат пропасть будет. Тут бродь знать надо, – лесник говорит тихо, нараспев и медленно ведёт меня по болоту к берегу. – Повезло тебе. Иль... иль ты и сама дорожку ведаешь?

Останавливается и оборачивается ко мне. Глаза бездонные, глядят хитро и добродушно. Я головой мотаю в ответ. Какую дорожку я тут ведаю? Так, потихоньку, он приводит меня на берег.

– Чего, милыя, пойдём-ка отсюда, место тут не грибное, промозглое. А я как раз по грибы шёл. Пойдём след, на солнечную полянку тебя выведу, там дале и сама пойдёшь, куда путь держишь.

А куда я путь держу?

Иду рядом. Он неспешной неслышной поступью шагает, улыбается чуть заметно. Вместо жерди в руках посох резной. Как же мне с ним хорошо – не отходила бы.

А весна набирает обороты. Дивлюсь я больше и больше. Трава наливается, да так сочно, что кажется, коснись рукой, с неё сок зелёный польётся. Ароматы наполняют воздух свежестью и мириадами нежных запахов. Маленькие неизвестные мне разноцветные птички с трелями порхают с дерева на дерево.

Цвета так насыщены, что передают вкусы и запахи. Запахи передают цвета и вкусы. Вкусы передают цвета и запахи.

– Гляди-ка, деточка, какие выросли пышные, – лесник указывает посохом вбок от тропинки под деревья.

Я присаживаюсь и раздвигаю руками траву под деревом. У меня дух захватывает. В изумрудной траве красуются шляпки грибов: маслят, подберёзовиков, белых, волнушек, опят, груздей – их целая ватага. Куда ни глянь, то одно семейство сидит, то другое. Дивно: грибы все рядышком такие, какие обычно в разное время и в разных местах растут.

– Собирай их да клади в короб, – у лесника в руках берестяной короб, он ставит его передо мной.

Я опускаюсь на колени и, не сходя с места, набираю короб доверху. Грибы на ощупь прохладные, влажные, тугие. Встала. Радостно мне. Лесник улыбается:

– Я туды пойду, – махнул посохом. – А тебе вон туды надуть пойтить, – указал в противоположную сторону. – По тропинке выйдешь на дорожку пошире, по ней и ступай, там тебе подсобят попутчики.

И он уходит, бесшумно и медленно, не попрощавшись. Я хочу крикнуть вслед ему «спасибо», но не могу, голос мой меня покинул.

Я иду в указанную сторону по тропинке. Передо мной ели, сосны, берёзы, дубы могучие и кедры.

– Откуда в наших краях дубы? – удивляюсь я.

Невысокая трава в лесу вся в блёстках свежей росы. Из травы выглядывают цветы радужной россыпью и разливаются благоуханием. Ясный день только-только начал заниматься. Вскоре я выхожу из леса на широкую грунтовую дорогу, которая недолго тянется вдоль леса и углубляется в степь.

Дальше – ровная бескрайняя золотая степь. Со степи прилетает сухой ветер, приносит терпкие ароматы созревших злаков. Я дышу пряными густыми запахами. В степи гуляет жаркое лето.

Подъезжает потрёпанный старый внедорожник с открытым верхом. В нём мужчина и женщина. Муж и жена. Он – за рулем, она – на заднем сиденье. На руках её малыш го-

довалый, одет в ползунки, кофточку и шапочку. Мальчик. Обычные простые люди. Мужчина, кивнув, приглашает меня в машину. Я усаживаюсь рядом с женщиной.

Едем. Смотрю к лесу – у дороги грибы и сочная трава в росе, смотрю в степь – там колосья спелые сыплют золотые зёрна на землю.

Проезжаем кромку леса под кедром. Задеваем ветку кедра, зелёную и душистую. Капли росы падают дождиком на нас, а малыш от того заливисто смеётся.

В степи жарко, пыльно. Женщина отрешённо, но с удовольствием смотрит вокруг. Держит на руках ребенка. Мальчик оборачивается и тянет ко мне ручки, я обнимаю его, целую в щёчки, а они нежные, пальчики – маленькие, тёплые. Он смеётся, и я смеюсь, и женщина тоже. Автомобиль подпрыгивает на кочках дороги сильнее и сильнее!

– Эй, эй! – меня трясут грубые руки.

– Она едва дышит, без сознания.

– Она – человек?

Что-то острое воткнулось мне в плечо. Грубая сила разделила веки и посветила в глаза. Я попыталась избавиться от этой наглой силы, шевельнулась и тут же пожалела: всё тело ответило тянущей болью. Я невольно застонала.

– Она – человек, тест отрицательный. Не мутирована.

– Давайте живо, берите её и в машину. Тут не безопасно.

– Куда? К нам или в грузовик?

– Давайте к нам. Она – важный свидетель.

Меня схватили и понесли, потом усадили и повезли. Я силась открыть глаза. Сознание мутилось, болела голова, хотелось пить.

– Можно воды? Я очень давно не пила... Пожалуйста... – услышала я, наконец, свой голос.

Эпизод 9: Причина

Часть первая

Есть люди, в которых живет бог.

Есть люди, в которых живет дьявол.

А есть люди, в которых живут только глисты!

Фаина Раневская

Меня поглотило чёрное кожаное кресло. Облепило большими лапами, всосало в мягкое прохладное чрево, чавкало при каждом моём движении, не желая выпускать. Честно говоря, я и не хотела, чтобы оно меня выпускало. Моё тело сидело в кресле: грязное, изодранное, лохматое, трясая неуёмной мелкой дрожью стакан с водой в мокрых от липкого пота ладонях, с широко, очень широко раскрытыми глазами и полуоткрытым ртом. Тело свято верило, что это большое устойчивое кресло – последний оплот человечества, из которого никакая вселенская сила его не вытащит.

Голова моего тела машинально поворачивалась вслед за ходившей туда-сюда парой ног. Ноги эти – ни какие-то там абстрактные, философские ноги, а вполне настоящие, и принадлежали они мужчине лет за шестьдесят в приличном сером костюме, белоснежной рубашке и галстукке. Ноги были

обуты в приличные кожаные туфли. Ногами управляла приличная седая голова, с седой аккуратной бородкой и очками на носу.

– Типичный учёный муж, профессор какой-нибудь, наверное, – подумала я. – И пахнет приятно, не то, что моё потрёпанное тельце.

– Как же... как же... как же так! – сокрушался учёный муж, руками обхватывая приличную голову. – Кто мог такое сотворить? Какова цель? Я не мог и предположить, что кто-то использует мой труд в таких бесчеловечных целях! Эта была лишь гипотеза, полёт мысли...

– Вот и долетались, – услышала я голос моего тела, голос, который за последние часы что-то пролепетал не заикаясь.

– Что вы сказали, деточка... эээ... простите? – спросил учёный муж, остановившись рядом, и три пары глаз впелись в моё тельце.

– Ну.. эт... эт... это не ваша вина, н... наверное... – мой голос предательски продолжил заикаться.

– Так, давайте ещё раз! Чётче и по порядку! – грубый приказ прервал звуки из моего рта.

В кабинете с учёным мужем находились ещё двое. Тот, с жёстким голосом был высок и крепок. Он стоял против моего кресла, сложив руки на груди и широко расставив ноги. Неопределенного возраста лицо выглядело нетерпеливым, раздражённым и озабоченным, а глаза сверлили во мне дыру, правда, безуспешно. Что мне его глаза-свёрла после слу-

чившегося. Да хоть буровая машина! Лысая голова и чёрная кожаная куртка добавляли к его виду что-то от киногероя – крутого парня из важной и секретной организации мира. Его крутость в моих глазах превращалась в глупость, от того я испытывала к нему насмешливую неприязнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.